

фестиваль

“любой, кто наслаждается наградами, — извращенец”

Дэниел Дэй-Льюис — Газете

Дэниел Дэй-Льюис: «Как старомодный игрок, я предпочитаю играть всерьез»

Мужественный ирландец, сыгравший доктора Томаша в «Невыносимой легкости бытия», Кожаного Чулка в «Последнем из могикиан» и Мяслика Билла в «Бандах Нью-Йорка», — Дэниел Дэй-Льюис приехал в Берлин не только представить драму «Баллада о Джеке и Роуз», где он сыграл главную роль, но и чтобы получить из рук директора Берлина Дитера Кослика почетный приз за вклад в мировое кино, «Золотую камеру». Сразу после награждения с Дэниелом Дэй-Льюисом побеседовал Антон Долин.

Вы получили в Берлине «Золотую камеру», на вашем счету три номинации на «Оскар», один «Оскар» и две БАФТА... Насколько для вас важны эти призы?

Они и важны, и не важны. Здорово, когда получаешь приз ни за что, как здесь, в Берлине: не участвуешь в скачках, не выбиваешься из сил, а просто выходишь на сцену за статуэткой под аплодисменты и получаешь ее как знак признания твоих заслуг. Получаешь от людей, с которыми даже не знаком, имен которых не знаешь. Должен сказать, что и в прошлом мне было приятно получать эти знаки признания. Но если поглядеть на них и отвлечься от контекста, призы остаются обычными побрякушками. Легко, конечно, говорить, когда тебе оказана привилегия их получить... К тому же «Оскар» открывает перед актером массу возможностей. Тем не менее любой, кто наслаждается наградами, — извращенец. Фестиваль или премия — это скачки, бега. Представьте, вы смотрите пять фильмов, оцениваете пять актерских работ, пять гримеров, пять операторов; все они разные и каждый ценен, так зачем же определять лучшего из лучших? Как вообще их сравнивать? Бессмыслица, честное слово. Хотя эта бессмыслица — часть нашей культуры.

Что должно быть в роли, чтобы вы захотели ее сыграть?

Я, честно говоря, никогда об этом не задумывался. Наверное, нужно испытывать сочувствие к человеку, даже вымышленному, чтобы согласиться на время поменяться с ним жизнями.

Вы не слишком серьезно относитесь к тому, что для других — всего лишь работа, приносящая деньги?

Слова «серьезно» я стараюсь избегать. Все это лишь игра. Даже если она не кажется игрой. Конечно, какая-то часть тебя отказывается считать это игрой, но надо отдавать себе отчет: игра есть игра. Мы же играем, и жизнь наша — тоже игра. Игра всегда эгоистична, игроком движет любопытство. Правда, как старомодный

игрок, я предпочитаю играть всерьез, и баланс восстанавливает мой искренний интерес к другим людям.

Осознание работы как игры не мешает вложить в роль все силы? Никогда. Мне кажется естественным вкладывать всю мою энергию в любую роль. Актер создает целый мир, с которым потом крайне трудно расстаться, и впорсилы тут работать невозможно. Но заключение в этом мире — добровольное и сознательное. Его часть нередко остается с тобой. Когда съемки «Баллады о Джеке и Роуз» завершились, я испытывал грусть и не мог ее побороть. Нельзя отказаться от важной части твоей жизни, даже если это вымышленная часть.

Часто ли вы отказываетесь от роли?

Если я уже даю согласие, то после этого не отказываюсь. Согласился — выполняй обещание. Но как знать заранее? К счастью, «Баллада о Джеке и Роуз» — тот случай, когда у меня было достаточно времени на размышления. Сценарий я прочитал много лет назад, лет девять, наверное. Когда я его читал, с Ребеккой Миллер — автором сценария и фильма, а ныне и моей женой — еще даже не был знаком. Сценарий меня сразу заинтересовал, мне очень понравился персонаж. Хотя специальной нужды играть его я тогда не чувствовал. Необходимо играть сильно и убедительно, и не в любой период жизни тот или иной характер тебе близок. Но со временем эта сила во мне появилась, и Джек меня достиг.

Выходит, что этот фильм познакомил вас с Ребеккой?

В каком-то смысле да, но поженились мы до съемок фильма. С давних пор наши родители — вы знаете, она дочь Артура Миллера, — дружили семьями. Я много слышал о Ребекке еще до встречи с ней: родители так гордились ею, что все время о ней говорили. Откровенно говоря, я давно решил, что мы должны сделать фильм вместе, но даже не подозревал, что это будет именно «Баллада о Джеке и Роуз».

То есть фильм стал своеобразным плодом вашей любви?

Любая работа должна быть плодом любви. Хотя эта стала плодом любви в совершенно конкретном смысле.

Насколько важным для вас было стать отцом самому, чтобы сыграть столь нежно любящего отца, как Джек?

Важно, но не необходимо. Просто у меня еще не было детей, когда я впервые читал сценарий, а теперь у меня они есть. Это не значит, что без детей я бы не смог сыграть роль Джека.

Вы никогда не чувствовали, что ваша любовь давит на ваших детей, мешает им, что вы слишком сильно ее проявляете?

Нет, не чувствовал. Надеюсь, нет. Хотя как можно оценивать такие вещи изнутри? Когда дети вырастут, быть может, я буду себя в чем-то обвинять. По-моему, важно постоянно спрашивать себя: а правильно ли я поступаю? Конечно, я хочу защитить моих детей от любого давления, которое может оказать публичная часть моей работы, но не знаю, возможно ли это. За право на личную жизнь надо сражаться. Я сражаюсь как могу. Помню мое детство — мой отец, британский поэт Сесил Дэй-Льюис, был очень известен, я им гордился, он был могучим и ярким человеком. Свою цену я за это заплатил. Ведь любой ребенок хочет быть похожим на всех, не быть особенным — это в природе детей. А мой отец не привлекал столько внимания, сколько привлекаю я. Такая уж у нас судьба, у людей кинематографа.

Ваш герой Джек — идеалист, и его идеализм порой приводит к пагубным последствиям. Вы тоже боитесь идеализма?

Идеализм может быть опасным, он может угрожать жизни, но без него существовать невозможно. Нельзя предаваться абсолютной и безоговорочной вере во что бы то ни было. Скажу по-другому: надо верить, но надо и понимать, что любая вера в своей основе безнадежна. Необходимо жить с идеалом в душе, но и с сомнением тоже. Одного без другого не существует. Чистый идеализм — это вера в совершенство, но каждый из нас на ранней стадии жизни должен осознать, что совершенства в мире нет.

А дом в фильме вы строили своими руками, как ваш герой?

Ну нет, это обычная гипербола. Строили мы его где-то месяц, а я старался не мешать по мере сил. (Смеется.)

Вы могли бы жить в коммуне, как герои вашего фильма?

Кажется, нет. Ребекка смогла бы, думаю, а я бы долго не выдержал. Вообще-то я жил в коммунальной ситуации долгие годы, в юности. Общую квартиру снимали... Когда ты вынужден делить жизнь с группой людей, с которыми у тебя нет ничего общего, и так с утра до ночи, ежедневно, это трудно перенести. Хотя идея мне нравится. Как и идея банды.

Так значит, ваша роль в «Бандах Нью-Йорка» возникла не на пустом месте?

Отнюдь. Я был воспитан, если так можно выразиться, культурой уличных банд. Я же рос в Лондоне! Эти группировки всегда меня интересовали — как и любые секретные общества и клубы. Но они меня интриговали так, как интригует то, к чему ты никогда не сможешь принадлежать. Я стоял одной ногой в этом мире, а второй — в том, к которому принадлежали мои родители.

Вы сами были членом банды?

В некотором смысле. Это же было почти религией, как остаться в стороне? Лондон тогда делили две банды, и если ты не принадлежал к одной, лучше было принадлежать к другой. Нельзя же оставаться беззащитным. (Смеется.)

Ваш герой Джек живет, готовясь к собственной смерти. Это и ваше кредо?

Нет. Я считаю, что бессмысленно думать о смерти: она и так здесь, рядом с нами. В определенные моменты жизни нельзя не думать о смерти, но превращать это в программу я бы не советовал. Важно, по-моему, не избегать столкновения со смертью, если она рядом; не закрывать глаза на смерть близких и друзей. Хотя искушение велико — особенно если еще в детстве ты видишь, как люди проваливаются в пустоту и исчезают навсегда. Но я считаю, что прятаться от смерти нельзя ни в коем случае. С другой стороны, некоторым людям мысли о смерти помогают по жизни. Некоторым, но не мне.

Сейчас готовите новый фильм? Пока нет.

Позволяете себе передышку?

Я не стараюсь немедленно после окончания съемок бросаться с головой в новый проект. К тому же не следует забывать о том периоде — думаю, знакомом любому актеру, — когда я сомневался, найду ли еще работу. У некоторых па-

мья об этом времени жива всегда, поэтому они не перестают работать. Я не принадлежу к их числу. Я стараюсь работать столько, сколько нужно, и хранить в себе баланс, иногда отдаваясь от работы на максимально возможное расстояние. То, чем я занимаюсь вне театра или кино, мне кажется важнейшим вкладом в театр и кино. Кроме того, с детства я живу в несколько замедленном ритме, такой уж я человек. Наверное, это своего рода благословение свыше. Другие трудятся без передышки, а я себя насиловать не хочу.

Чем занимаете время во время особенно длительных перерывов? Лучшая часть моей работы — то, что об этом я не обязан рассказывать! (Смеется.)

А в режиссуре попробовать свои силы не собираетесь?

Нет. В прошлом однажды я испытал такой соблазн, но ненадолго. Теперь этот соблазн меня покинул.

газета

ирландец навсегда

Дэниел Майкл Блейк Дэй-Льюис родился в Лондоне в семье известного поэта-лауреата Сесила Дэй-Льюиса, ирландца по происхождению. В 1971-м дебютировал в кино, долгое время играл на сцене в Бристолле и Лондоне, снимался в сериалах. В большое кино вернулся в 1982-м, а в 1984-м сыграл заметную роль второго плана в «Баунти». В 1987-м исполнил главную роль в «Невыносимой легкости бытия», а в 1989-м получил «Оскара» за работу в «Моей левой ноге». В 1992-м сыграл роль Натаниэля Бампо в самом кассовом из своих фильмов — «Последнем из могикиан». Дважды сотрудничал с Мартином Скорсезе, в «Веке невинности» (1993) и «Бандах Нью-Йорка» (2002), которые принесли ему приз БАФТА и номинацию на «Оскар». Был близок с Изабелл Аджани, которая родила от него сына. Ныне женат на Ребекке Миллер, дочери знаменитого драматурга Артура Миллера. Их новый совместный фильм, «Баллада о Джеке и Роуз», где Миллер выступила в качестве режиссера, а Дэй-Льюис сыграл роль отца-одиночки, страстно любящего взрослеющую дочь, представлен на 55-м Берлинском фестивале в секции «Панорама».

Дэй-Льюис & Долин